

**«Говорили, будто сын барина, Федор Михайлович, большим человеком стал. Не может, гражданин, быть, чтоб у этакого отца такой сын был»:
к вопросу об идеологической аранжировке в текстах о Даровом
1920-х годов.**

Имение «Даровое», приобретенное в 1831 г. родителями Ф. М. Достоевского, сохранялось как наследственное владение вплоть до 1929 года. За без малого сто лет оно успело побывать и летней дачей, и помещьем, и имуществом, находящимся под внешней опекой, и снова летней дачей, и снова помещьем. Однако до 1920-х гг. оно оставалось «незамечательным местом», имеющим значение лишь для владельцев.

Ситуация неизвестности окончилась после выхода мемуаров Л. Ф. Достоевской и знакомства достоевистов того времени с воспоминаниями А. М. Достоевского. Эти тексты поведали захватывающую историю об убийстве крепостными крестьянами М. А. Достоевского, отца писателя,¹ и о вековом сокрытии этого факта всеми родственниками и наследниками.² Факт этот был активно воспринят как европейским психоанализом, так и русским социологизмом. В первом случае – как подтверждение представления о «детской травме» и «вытеснении», проявившемся через эпилепсию и творчество.³ Во втором – как свидетельство неизбежности революции 1917 года⁴ и как объяснение интереса Достоевского к простому народу. Так или иначе, Даровое стало плотно соотноситься с историей убийства отца, с сюжетом «Братьев Карамазовых», а его посетители стали высматривать сквозь современную им картинку события лета 1839 года. Из этих «травелогов» сформировался корпус текстов, по которому принято судить о Даровом 1920-х годов и безусловное доверие к которому стало чем-то само собой разумеющимся.

Однако при прочтении сообщений о поездках в Даровое бросается в глаза изображение этого места в отчетливо идиллической стилистике. Это патриархальное сельцо, в котором время практически остановилось, а

¹ *Dostojewski A.* [Достоевская Л. Ф.] *Dostoejewski Geschildert von seiner Tochter.* Muenchen, 1920. S. 44; *Достоевский А. М.* Воспоминания. Л., 1930. С. 107–110.

² Впечатление от этого факта, см., напр.: *Нечаева В. С.* В семье и усадьбе Достоевских. М., 1936. С. 59–61.

³ *Neufeld J.* *Dostojewski : Skizze zu seiner Psychoanalyse.* Lpz.;Wien;Zuerich, 1923. S. 7-8; *Fuelop-Miller R.* *Dostojewskis Heilige Krankheit // Wissen und Leben : Neue schweizer Rundschau.* Zuerich, 1924. Heft 19-20; *Фрейд З.* Достоевский и отцеубийство // Классический психоанализ и художественная литература. СПб., 2009. С. 75 (оригинал 1928 г.).

⁴ *Нечаева В. С.* В семье и усадьбе Достоевских: (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М., 1939. С. 49. Обратим внимание на ситуацию «*circulus in demonstrando*»: бесспорность «убийства» подтверждается рассуждениями о росте классового самосознания крестьян 1830-х гг. XIX века, тогда как сам факт «убийства» свидетельствует об этом же самом росте классового самосознания.

напоминает о его ходе разве что старость последней владелицы, Марии Александровны Ивановой, племянницы Ф. М. Достоевского через его сестру, Веру Михайловну, да дряхлость построек: «Домик, построенный Михаилом Андреевичем, с внешней стороны глядит весело. Маленький, окрашенный в темно-синюю краску, видны занавески на окнах. Железная крыша. Глухо лает собака, гремит цепью. Так и кажется – вот выйдет жилища, улыбнется вам старческой улыбкой, в кухне замурлычит самовар, в старинных печках весело будут потрескивать дрова»⁵, или: «Вас встречает Мария Александровна. Она больна ногами, ходит с палкою, на седых волосах ее наколка, и от складок старомодного платья ее пахнет уходящим временем, уходящими людьми, уходящим бытом. Вся жизнь ее – здесь, среди этих чистенько прибранных комнаток, среди фруктового сада и раскидистых лип. <...>. Сложив на столе желтые, со вспухшими венами, руки, она говорит о том, что домик приходит в ветхость...»⁶ Тот же тон свойственен и заметке В. С. Нечаевой: «Низкие, тесные комнатки с небольшими окошками, выходящими с одной стороны в сад, с другой – на проезжую дорогу, вероятно, помнят 10–15-летнего Достоевского, со всей семьей приехавшего в деревню на летние месяцы. <...>. В этих тесных, уютных комнатках с изразцовыми печами вспоминается идиллический рассказ Вареньки о ее детстве».⁷ Усадьба «Даровое» предстает перед глазами визитеров рудиментом 1830-х годов.

Вполне естественно, что его обитатели помнят именно «дела минувших дней», отстоящие от современности порой на столетие:⁸ «Через дорогу от усадьбы, за крестьянскими ригами, тянется овраг, противоположный склон которого покрыт кустарником. Это место и поныне называется “Лоском”, как называлось во времена детства Достоевского. Здесь близко, на склонах оврага, произошла встреча испуганного барчонка с мужиком Мареем, навсегда запомнившаяся писателю. Мареев в деревне хорошо помнят и его двух братьев, Федота и Филиппа. Помнят и дурочку Аграфену Тимофееву, прототип Лизаветы Смердящей в “Братьях Карамазовых”».⁹

Однако за кадром идиллической картинке осталось Даровое 1920-х годов, то

⁵ *Стонов Д.* Сельцо Даровое // Красная нива. 1926. № 16. С. 19.

⁶ *Дроздов А.* Усадьба Достоевского // Известия ЦИК. М., 1924. 4 ноября. Ср. подпись под фотографией усадебного дома 1920-х годов («Dostoevsky's country cottage in Darovoe») в одной из наиболее авторитетной англоязычной биографии Ф. М. Достоевского: *Frank J. Dostoevsky. The Seeds of Revolt: 1821 – 1849.* Princeton, New Jersey. 1976, P. 29.

⁷ *Нечаева В. С.* Поездка в Даровое // Новый мир. М., 1926. № 3. С. 130.

⁸ Тогда как гораздо более современные события почему-то не помнят. Ср.: «Федор Михайловича в деревне не помнят. Его единственный приезд в Даровое, после проведенного там детства, в 1877 году, в памяти крестьян не сохранился...» (*Нечаева В. С.* Поездка в Даровое. С. 131) или «О Федоре Достоевском Макаров <Данила> мало знает: “Было у барина два мальчика и всё тут. Говорили, будто сын барина, Федор Михайлович, большим человеком стал. Не верю я, как хотите, этому. Не может, гражданин, быть, чтоб у такого отца такой сын был. Не верю”» (*Стонов Д.* Сельцо Даровое. С. 18).

⁹ *Нечаева В. С.* Поездка в Даровое. С. 131.

самое, которое существовало в действительности и которое посещали А. Дроздов, Д. Стонов, В. Нечаева, И. Перлов. Между тем это был весьма драматический период в истории столетнего присутствия Достоевских в Даровом. «Декрет о земле», принятый в 1917 году, отменил частную собственность и право наследования, а вместе с тем поставил нахождение племянниц Ф. М. Достоевского в Даровом в прямую зависимость от воли вновь созданных местных, классовых органов власти. Сохранившиеся в архивах документы показывают, насколько «идиллической» была их жизнь: «Из МОНО получена бумага<, > где сказано, что всю стройку они передают мужикам <...>. Из дома меня выгоняют, т<о> е<сть> дают 2 комнатки, а остальное они займут. Не знаю<, > куда деваться»¹⁰, «Я теперь склонна думать, что Маше теперь придется выехать из Дарового <...>. Ни одно из собраний в Нардоме или в <л. 2 об.> избе-читальне не оканчивается мирно. Драки, стрельба из револьверов и страшно накурено. Маша будет отделена от этой компании досчатой перегородкой<, > и все будут ходить через ее столовую».¹¹

Эти «бытовые» аспекты не просачивались в публикации 1920-х годов¹², однако отсутствуют они даже в черновиках, что позволяет говорить об отчетливой самоцензуре. Возможно, принципиальное невнимание к травле М. А. Ивановой было связано с искренней верой в необходимость классовой борьбы. Однако не появились реалии 1920-х и в позднейших описаниях Дарового первой четверти XX века. В работах В. С. Нечаевой 1970-х годов деревня продолжает оставаться все тем же идиллическим пространством: «8 июля 1925 года М. В. Волоцкой, автор труда “Хроника рода Достоевского” (1933), и я, автор этой книги, ездили в Даровое со специальной целью побеседовать с крестьянами на эту <убийства М.А. Достоевского> тему. Обстоятельные, спокойные рассказы стариков были чужды всякого стремления к эффекту, не было в них противоречий, путаницы».¹³ «Обстоятельные и спокойные» – и никаких упоминаний об условиях, в которых проходила беседа, о том, что информантом (Данила Макаров), сообщившим об убийстве, был

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 792 (В.С. Нечаева). К. 16. № 76. Л. 1.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 792 (В.С. Нечаева). К. 16. № 75. Л. 2 – 2 об.

¹² Иногда путешественники указывали на материальные трудности Ивановых, однако эти указания всегда лежали в бытовой плоскости, в общей тяжести жизни в Советской России 1920-х годов. Ср.: «Родная племянница Федора Михайловича, 75-летняя Мария Александровна Иванова, на зиму удирает в Чермашню <...>. Для того, чтобы отопить дом, потребовалось бы 8 сажень дров, а 8 саж. дров стоят 100 рублей. Денег этих у М. А. нет. Мария Александровна получает персональную пенсию... 30 рублей в месяц» (Стонов Д. Сельцо Даровое // Красная нива. М., 1926. № 16. С. 19). Интересно, что к той же самой логике прибегает В. С. Нечаева даже в 1970-х годах: «Дом был действительно в плохом состоянии: погнулся, покривились стены, облупилась краска, покособился потолок, половицы скрипели. Если летом сюда приезжали ее младшие сестры, то на зиму сама Мария Александровна уезжала в соседнюю Черемошню, к сестре, которая там учительствовала: отопить Даровской домик зимой ей было не по средствам с ее пенсией, а потому там топилась только кухня, где жил сторож» (Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 6. Л., 1985. С. 292).

¹³ Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821 – 1849. М., 1979. С. 93.

ближайший родственник (отец и дядя) основателей инициативной группы Даровского гражданского общества, структуры, организовавшей травлю Ивановых с целью изъятия их фамильного имущества: «Мы, нижеподписавшиеся граждане Милованов Яков Лукич, Чупряев Роман Филипович, Чухнин Григорий Никанорович, Макаров Тимофей Данилович, Макаров Алексей Ильич, <объединяемся> в Инициативную Группу на предмет ходатайства пред Зарайским отделением Археологического общества о передачи Инициативной группе под наблюдение имение<,> парк и в пользование сад».¹⁴

Мы далеки от того, чтобы представить данное умолчание в качестве доказательства, фальсифицирующего собранные В. С. Нечаевой фольклорные записи. Пропуск может быть объяснен гораздо проще, самоцензурой, вынудившей ориентировать некогда совершенные поступки на изменившееся понимание ценностей.

Дело в том, что «революционная гуманность» к 1970 гг. уже стала замещаться просто гуманностью, существующей вне зависимости от классовой принадлежности. Между тем, публичные действия В. С. Нечаевой в Даровом опирались именно на революционную аксиологию.

В 1925 г. она вошла в дом Ивановых как начинающий сотрудник комиссии по изучению Ф. М. Достоевского Государственной академии художественных наук и как человек, явно близкий по кругу общения.¹⁵ Однако ситуация изменилась вслед за быстрой карьерой В. С. Нечаевой. С 1 января 1929 года усадьба «Даровое» была передана на баланс Музея Достоевского в Москве.¹⁶ С этого момента В. С. Нечаевой, заведующей музеем, пришлось стать стороной в конфликте крестьян с Ивановыми. Между тем затяжной, тлеющий конфликт вспыхнул в мае того года с новой силой, как только Ольга Александровна Иванова прислала в Московский отдел народного образования прошение:

¹⁴ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. № 80. Л. 16. Еще более откровенен текст Удостоверения, с которым Алексей Ильич Макаров был отправлен добиваться правды в Москву: «Предъявитель сего есть действительно гражданин сельца Даровое Спас-Журавнинской волости Каширского уезда Московской губернии **Макаров Алексей Ильич** член Даровской ин<и>циативной группы предмет Ходатайства пред властями о восстановлении прав гражданского Даровского Общества на право пользование садом при сельце Даровом, Который в настоящие время находится в одиночном и без контрольном пользовании не оплочается не кокими государственными обложениями и налогами бывшей помещицы Марьи Александр Ивановой» (Там же. Л. 14 – 14 об.).

¹⁵ В первой половине 1920-х годов была секретарем М. О. Гершензона и его доверенным лицом (во время лечения в Германии именно В. С. Нечаева осуществляла в Москве непосредственный контроль за изданием его книг, в частности, «Новых пропийей»; вела финансовые дела). Дружеские отношения с родственниками последнего, женой – пианисткой М. Б. Гольденвейзер, братом жены – ректором Московской консерватории А. Г. Гольденвейзером, дочерью – искусствоведом Н. М. Гершензон-Чегодаевой – сохранились на многие десятилетия после смерти М. О. Гершензона). Как известно, М. А. Иванова работала учительницей музыки в гимназии Фишер, тоже была выпускницей Московской консерватории, где слыла одной из любимых учениц Н. Г. Рубинштейна (ЦГАМО.Ф. 960. Оп. 3. № 80. Л. 6 об.).

¹⁶ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 2341. Л. 2. («Докладные записки по вопросу организации музея Достоевского при больнице»).

«Ввиду того, что сестра моя, Мария Александровна Иванова, настолько плохо себя чувствует, что можно сказать, что дни ее сочтены, прошу Губмузей известить меня, имею ли я право проживать хотя некоторое время после ее смерти в нашем доме. Мне требуется документ на это от Губмузея, т^{ак} к^{ак} дом наш считался пока музеем имени Ф. М. Достоевского, но может случиться, что граждане с^{ела} Дарового пожалуй вздумают воспользоваться домом и разобрать по рукам всю домашнюю обстановку, до наших семейных карточек включительно. К дому я привыкла, т^{ак} к^{ак} с ним связана большая половина моей жизни, особенно детства и среднего возраста.

Прослужив учительницей 29 лет, последние годы в с. Черемошне, я теперь инвалидка 2-ой группы с 20 рублями пенсии, так что при теперешних условиях жизни на эти средства трудно проживать. С 25-го года мы жили вместе с сестрой. Она получает 30 рублей персональной пенсии. За последние годы ноги ее постепенно отказывались служить и пришлось держать прислугу для ухода за ней. Последние месяцы она уже не встает с постели и заметно слабеет.

Прошу Губмузей выслать мне документ на право прожития в доме, хотя бы до тех пор пока я не подыщу себе какого-нибудь другого места жительства.

Адрес мой: г. Зарайск Ряз губ. Кооперативная улица, д. № 5. Врачу Сретенскому для передачи в с. Даровое, Ольге Александровне Ивановой.

18/IV 1929.

с. Даровое, Достоевской волости, Каширского уезда, Московской губернии».¹⁷

Ответом на это обращение и на нерешительную визу руководителя Музейным подотделом МОНО («Б^{орису} М^{ихайловичу} <Клушанцеву>. Надо обдумать это») стали активное сопротивление местных органов власти и форсированное обустройство в усадебном доме читальни. В таких условиях состоялась поездка В. С. Нечаевой в Даровое, события которой она отнесла впоследствии к гораздо более спокойному 1927 году. Целью командировки оказалось выселение Ольги Александровны из родового дома и пресечение истории рода Достоевских в Даровом.

Ниже мы публикуем официальную докладную записку об этой поездке, прочерчивая параллели и нестыковки с уже опубликованными материалами, созданными В. С. Нечаевой в значительно более позднее время. Полагаем, что такое сопоставление довольно остро ставит проблему как анахронизмов в позднесоветских текстах В. С. Нечаевой о Даровом, так и самоцензуры – в ранних.

*Документы о командировке В. С. Нечаевой в село Даровое в 1929 году*¹⁸

¹⁷ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 2504. Л. 27–28.

¹⁸ Текст печатается по оригиналу, сохранившемуся в деле «Докладные записки зав^{едующим} музеем Достоевского Нечаевой о ее поездках в командировку в Ленинград и Старую Руссу с целью собирания экспонатов для музея. Переписка об устройстве музея Достоевского в его бывшей усадьбе “Даровое” Старо-Русского уезда» (ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 2504. Л. 6–7, 16–19). Приписка села Даровое к Старо-Русскому уезду ошибочна.

В Музейный п<од>о<тдел> М<осковского> О<тдела> Н<ародного>
О<бразования>

Прошу разрешить мне командировку в с<ело> Даровое (б<ывшую> усадьбу Достоевских) на 3 дня и предоставить сумму в размере 30 руб<лей> на означенную поездку из средств Музейного п<од>о<тдела> М<осковского> О<тдела> Н<ародного> О<бразования>.

Зав<едующий> Музеем Достоевского В<ера> Нечаева

27 мая 1929.

Поездку предполагаю совершить 30 мая – 3 июня.

31/V–29 г<ода>

Удостоверение

Музейный п<од>отдел М<осковского> О<тдела> Н<ародного> О<бразования> командирует заведующего Музеем Ф. М. Достоевского тов<арища> Нечаеву в быв<шую> усадьбу Достоевских «Даровое» для переговоров об использовании усадьбы, дома и движимого имущества.²⁰

На т<оварища> Нечаеву возлагается разрешение всех этих вопросов совместно с Волисполкомом.²¹ Тов<арищ> Нечаева обязуется представить письменное заключение об использовании усадьбы.

Зав<едующий> Музейным п<од>о<тделом> Клабуновский

¹⁹ Виза наложена заведующий Музейным подотделом И. Клабуновским. Биографические данные не обнаружены.

²⁰ Иначе цель поездки объяснена в воспоминаниях: «...Мария Александровна <...> согласилась на их <экспонатов> отдачу, которую надо было в ближайшем будущем официально оформить <...>. Это было сделано в следующем, 1927 году, когда я вторично побывала в Даровом» (Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 6. Л., 1985. С. 293). Необходимость скорейшего принятия решения о судьбе усадьбы была вызвана неожиданным обращением в МОНО Ольги Александровны Ивановой с просьбой разрешить ей проживание в родовой усадьбе после смерти ее сестры и последней владелицы имения Марии Александровны (ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 2504. Л. 26–27).

²¹ Свобода маневра В. С. Нечаевой была ограничена: в конфликте местных органов и регионального музейного органа приоритет принадлежал местным властям. В 1925 г. из экспертного совета Мосгубмузея был выведен представитель Главнауки Наркомпроса Д. П. Сухов, один из основателей советской школы реставрации. В вину было поставлено: «...полное непонимание основных задач и направления работы советских органов в области охраны памятников старины и музейного дела», которое выразилось «...когда т. Сухов враждебно-недовольным тоном заявил, что Губмузей, по его мнению, “не должен считаться ни с кем, в том числе и с рабочими организациями” как владельцами гражданск<их> зданий, что он не должен обращать внимания на всякие их просьбы об ускорении дела по ремонту. “Хозяева мы” (т.е. эксперты), а не они и наше дело, когда производить экспертизу. Такое заявление тов. Сухова <...> дезорганизует работу...» (ЦГАМО. Ф. 972. Оп. 4. № 185. Л. 130). В 1926 г. весьма значительными усилиями Наркомпроса Мосгубмузей был административно оторван от Губполитпросвета Моссовета, однако контроль со стороны политических органов исполнительной власти за вновь созданным Музейным подотделом сохранялся.

Докладная записка
о поездке в с<ело> Даровое зав<едующего> музея Достоевского
В. С. Нечаевой 31 мая – 2 июня 1929 г<ода>

Выехала из Москвы в 9 ч<асов> 45 м<инут> вечера 31 мая, прибыла в Даровое в 8 ч<асов> утра 1 июня.²³ В усадьбе находятся Мар<ия> Алекс<андровна> и Ольга Алекс<андровна> Ивановы. Состояние здоровья Мар<ии> Алекс<андровны> таково, что жизнь ее едва ли протянется долее нескольких месяцев (мнение врача,²⁴ при мне осматривавшего больную). Из беседы с Ольгой Александр<овной> выяснила, что последняя не предполагает после смерти сестры оставаться в усадьбе и не возражает против передачи дома крестьянам для устройства библиотеки-читальни.²⁵ Ввиду указанных обстоятельств<, > отпала экстренность сообщения с Волисполкомом [на] (отстоящим на 10 верст от Дарового),²⁶ почему я и не сочла нужным туда ехать.

²² Резолюция наложена заведующим Музейным подотделом МОНО И. Клабуновским.

²³ Впоследствии, при подготовке воспоминаний, В. С. Нечаева спутала дату и обстоятельства этой поездки в Даровое. Ср.: «Мои рассказы о будущем музее, о желательности приобрести три описанные вещи как ценные экспонаты убедили Марию Александровну, и она согласилась на их отдачу, которую надо было в ближайшем будущем официально оформить, снесясь с МОНО и Зарайским музеем. Это было сделано в следующем, 1927 году, когда я вторично побывала в Даровом. Со мною ехал сотрудник Музейного отдела МОНО, молодой энергичный человек (если не ошибаюсь, Б. М. Клушанцев). На нем лежали вся организация передачи вещей и их вывоз, сношение с Зарайским местным советом и заботы о транспорте» (*Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского. С. 293*).

²⁴ Марию Александровну лечил зарайский доктор Сретенский, с семейством которого Ивановы находились в дружеских отношениях. В 1927–1929 гг. Ольга Александровна, будучи в Зарайске, проживала именно в доме доктора. (См.: «Письма О. А. Ивановой к В. С. Нечаевой». ОР РГБ. Ф. 792. К. 16. № 75. Л. 3, 10 об., 12, 18. См. также: ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 2504. Л. 26–27).

²⁵ Речь шла о вызванном гуманными причинами – стремлением дать возможность сестре, Марии Александровне, относительно спокойно умереть в собственном доме – отказе от первоначально выраженного желания остаться в Даровом. Обращаясь в МОНО с просьбой разрешить дальнейшее проживание в усадьбе, Ольга Александровна, вероятно, недооценила степень враждебности крестьянского общества Дарового к бывшим помещикам и переоценила административные возможности Музейного подотдела, да и самоё желание музея вмешаться. Ответом местных органов власти на прошение стало форсированное превращение усадебного дома в избу-читальню со вселением в него кого-то из крестьян. Поэтому во 2-й половине мая 1929 г. тон Ольги Александровны сменился: «Многоуважаемая Вера Степановна, посылаю Вам Машино письмо. Поговорите в Москве с кем следует. Неужели нельзя всю эту махинацию отложить на некоторое время; одним словом, до смерти Маши. Она так плохо себя чувствует, что вероятно не долго проживет. Пусть бы после ее смерти, если правительство того желает, сравняют все Даровое с землей. Больше, кажется, не найдется охотников так жить, как живет сейчас Маша» (ОР РГБ. Ф. 792. К. 16. № 75. Л. 16). В ходе командировки В. С. Нечаева превратила этот эпистолярный жест в юридически зафиксированный и обязательный акт.

²⁶ Решением Каширского Уисполкома от 4 апреля 1923 г. Даровое отнесено через Моногаровский сельсовет к Журавенской волости Каширского уезда Тульской губернии с центром в селе Спас-Журавна. В том же 1923 г. вместе с Каширским уездом передана Московской губернии (СУ 38–400 за 1923 год). Постановлением ВЦИК от 2 февраля 1925 года указанная волость переименована в Достоевскую. (Справочник по административно-территориальному делению Московской губернии (1917–1929). М., 1980. С. 144, 145, 152).

Более целесообразным [ка] я нашла вступить в общение с [лиц] колхозом имени Достоевского, недавно образовавшимся в с<еле> Даровом и объединившим приблизительно половину деревни.²⁷ Несомненно, после смерти М. А. Ивановой Музейный п<од>о<тдел> для охраны усадьбы должен ориентироваться на эту организованную часть местного населения.²⁸ Для беседы были собраны члены колхоза и было проведено собрание, на котором после краткой беседы о Достоевском были обсуждены вопросы о судьбах сада, парка и дома. Постановления изложены в прилагаемом протоколе. Не занесены в протокол решение крестьян предоставить движимое имущество Ол<ьги> Алекс<андровны> Ивановой и обещание немедленно после смерти М. А. Ивановой телеграфом известить Музейн<ый> п<од>о<тдел> и до распоряжения от него в неприкосновенности оставить дом и все имущество.

Собрание отнеслось очень сознательно и вдумчиво к предстоящей задаче хранения усадьбы и ее использования для культурных целей. Разрабатывая совместно план возможных культурных начинаний и учитывая ту помощь, которую в этом деле в дальнейшем может оказать колхозу музей, собрание обратилось с просьбой о принятии музеем шефства над колхозом. Так как действительно музей может оказаться полезным колхозу и конечно обязан оказать ему эту помощь, то я сочла возможным согласиться на принятие музеем шефства.²⁹ Далее крестьяне ознакомили меня подробнее с различными сторонами жизни и нуждами колхоза.

Вторая половина дня была использована мною для посещения с<ела> Моногарова и осмотра церкви, в приходе которой находилась усадьба

²⁷ Колхоз им. Ф. М. Достоевского возник в 1928 г. и формально являл альтернативную структуру по отношению к Даровскому гражданскому обществу (существовало с 1924 г.), враждовавшему с Ивановыми из-за права на управление усадебными постройками и садом («Переписка с Главмузеем и Каширским Уисполкомом об охране музея-усадьбы “Даровое”, принадлежавшей писателю Достоевскому». ЦГАМО Ф. 966. Оп. 3. № 80. Л. 14–19 об.). Однако учредителями и Даровского гражданского общества, и Колхоза им. Ф. М. Достоевского был один и тот же круг лиц (семейства Макаровых и Чухниных).

²⁸ Даровское гражданское общество еще в 1924 г. сформулировало требование признать себя в качестве главного культурно-просветительского органа, действующего на территории Дарового: «Слушали: Доклад т<оварища> Чухнина о необходимости организации культурно-просветительного кружка имени Достоевского. Постановили: Признать организацию Культпросвета им<ени> Дост<оевск>го важным и желательным, для чего предлагается пригласить <sic!> местных жителей» (ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. № 80. Л. 15 об.). Для нужд культурно-просветительской деятельности Даровского гражданского общества предлагалось также «Предоставить одну комнату (из 4^х) в доме Ивановой в распоряжение инициативной группы для устройства музея и библиотеки-читальни им<ени> Ф. М. Достоевского» (Там же. Л. 20). Таким образом, В. С. Нечаева фактически шаг за шагом реализовала программу, составленную крестьянами Дарового. В 1924–1928 гг. эта программа была отвергнута как Зарайским краевым музеем, так и Наркомпросом в лице Главнауки.

²⁹ Это согласие фактически означало смену конечного собственника усадьбы и отказ Музея Достоевского от имевшихся у него прав. Ср.: «31 декабря 1928 г<ода> № 41–39 Музейн<ый> п<од>отд<ел>. Зав<едующему> Музеем им<ени> Достоевского В. С. Нечаевой. Настоящим Музейный п<од>отдел сообщает Вам, что усадьба “Даровое” причисляется к Вашему музею как его филиал. О всех практических взаимоотношениях Вы договоритесь в п<од>отделе. Зав<едующий> Музейным п<од>отд<елом> Клабуновский. Секретарь Купина» («Докладные записки по вопросу организации музея Достоевского при больнице». ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 2341. Л. 2).

Достоевских. В церкви мной был обнаружен старый церковный архив конца 18го – начала 19го века. В ряде бумаг 30–40^х годов встречается упоминание о Даровом, его владельцах и их крепостных. В целом архив поможет восстановить картину экономичес^{кого} состояния владения Достоевских и даст мат^{ериал} для выявл^{ени}я быта Дарового в Музее.³⁰ Призвав представителя церковного совета^а,³¹ я изложила ему ценность данных документов для научного исследования и для музея и указала на их плохую сохранность и обреченность на гибель в тех условиях, в кот^{орых} я их обнаружила.³² Пред^{седатель} ц^{ерковного} сов^{ета} выразил свое согласие на передачу наиболее старой части архива (до 50^х год^{ов} 19 века) в Музей Достоевского,³³ что и было сделано после короткой описи документов. Архив (приблизительно 1 пуд весом) перевезен мною в Москву.

Кроме того, мною был произведен обмер дома в Даровом и зачерчен его план, а также записаны наиболее значительные вещи, находящиеся в доме. Одну старинную фотографию (А. П. Карепин) я изъяла для Музея.

Переночевав в доме Достоевских[,]³⁴ 2го июня в 9 ч^{асов} утра я выехала из Дарового и в 8 ч^{асов} 30 мин^{ут} вечера этого дня вернулась в Москву.

³⁰ Ср.: «Как архивист, я “прилипла” к этим полкам и здесь провела весь день, забыв обо всем остальном. Я очень скоро поняла огромное значение, которое могут иметь хранившиеся здесь “клировые ведомости”, книги “брачных обысков” и другие документы» (Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского. С. 293).

³¹ То есть церковь еще была действующей. Принципиально иначе ситуация описана в воспоминаниях. Ср.: «Освободившись от этих забот, <...> я направилась в соседнее Моногарово <...>, где сохранилась церковь конца XVIII в<ека>. <...>. Церковь стояла открытая, пустая и явно никем не охранялась. Я обратила внимание на старинные бумаги, разбросанные при входе, пошла по их следам и увидела в полутемной сырой комнате церковный архив, из которого без разбора вырывали бумагу» (Там же).

³² Ср.: «Я направилась в сельсовет – (не помню, Моногаровский или Даровской), горячо изложила историческую важность расхищаемого архива и доказала необходимость хотя бы часть его немедленно взять в московский музей, а остальное вывезти в Зарайск или Каширский архивный центр» (Там же. С. 294).

³³ В ситуации 1920-х годов решение не было исключительно добровольным и свободным. В те годы по церквям рассылался циркуляр, напоминавший настоятелям и церковным старостам об их персональной ответственности за сохранность культурных ценностей. Поскольку последние были национализированы и их пропажа/порча могли быть рассмотрены как уничтожение государственной собственности, циркуляр призван был стимулировать ненасильственную передачу/изъятие церковной собственности государством. Ср.: Декрет «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей» (от 19 апреля 1923 года).

³⁴ Ср.: «Не помню, как и кто отправил набитый мною мешок, благополучно поступивший в музей Достоевского, но я в Зарайске не попала на московский поезд и по приглашению заведующего местным музеем И. Перлова провела вечер и ночевала в его семье» (Нечаева В. С. Из воспоминаний об основании первого музея Ф. М. Достоевского. С. 294–295). Ночевка в доме И. Перлова в 1929 г. была делом решительно невозможным, хотя бы потому, что последний в октябре 1927 г. был снят с поста заведующего Зарайским музеем, обвинен в хищении экспонатов и в апреле 1928 г. осужден к 3-летнему тюремному заключению («Отчеты о деятельности музея и его отделов (1924–25 г.)» ГАРО. Р–3611. Оп. 5. № 12. Л. 81). Между тем, протоколы заседаний Комиссии по изучению Ф. М. Достоевского ГАХН позволяют предположить подобную остановку В. С. Нечаевой летом 1925 года. Так, в них упомянута «...беседа с помощником заведующего Зарайским губмузеем <sic!>» (Прохоров Г. С. От Дарового к Божedomке: Как «растаял» первый музей Достоевского // Вестник Коломенского государственного педагогического института. Коломна, 2009. № 2(8). С. 120). Должности помощника заведующего в Зарайском краевом музее не было. Изучением Дарового в этом музее занимался заведующий, Иван Перлов (ГАРО. Р-3611. Оп. 5. № 2. Л. 48, 161, 171–174 об.; «Материалы о состоянии музейно-краеведческой работы в Зарайске»).

3го июня 1929 г<ода>

В. Нечаева.

Копия

Протокол общего собрания Достоевского колхоза
Присутство по собрании 15 человек
под председательством т<оварища> Чухнина Г. Н.
и секретарь Никитская З. М.
и предствителя заведующего Достоевского музея т<оварища> Нечаева³⁵

Повестка дня.

- 1) О саде. 2) О парке. 3) Об отопление домика Достоевского. 4) О вселении в кухню домика Достоевска одного из членов колхоза. 5) Об усадьбе Достоевского. 6) О щевфстве Музея имени Достоевского над колхозом им<ени> Достоевского.

Слушали.

О саде. Нохадив в вединии содовой артели д<еревни> Даровая.

Постонови<ли>.

Сад фактически передан в ведения колхоза с 1/III 29 г. до настоящего времени офециально не передань коллективу.³⁶ Топерь же произвести офецеальною пиредачу сада, с помощью В<олостного> И<сполнительного> К<омитета> и огранома копию пиридачи акта пирислать в Музейный п<од>о<тдел> М<осковского> О<тдела> Н<ародного> О<бразования>.³⁷

2) О парки.

Парк находящийся в настояция время в полном зопущении ввиду его громадного культурного значения, как исторический цености приизвести в надлежащий порядок, придов ему культурноя вид.³⁸ Для чего с помощью земмлемера

³⁵ Документ приводится в авторской орфографии. Будучи записанным чем-то напоминающим фонетическое письмо, данный текст, возможно, в какой-то мере передает особенности говора Дарового 1920-х годов.

³⁶ Зарайский краевой музей Рязанской губернии в 1925 году уступил давлению со стороны различных администраций и передал управление Усадьбным садом Артели им. Достоевского, созданной Даровским гражданским обществом. Действие договора истекло в мае 1929 года.

³⁷ «Акт обследования сада при усадьбе имени Ф. М. Достоевского при с. Даровое Достоевской волости Каширского уезда Московской губернии» от 25 февраля 1929 г. сохранился в деле: ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 2405. Л. 12–12 об. Документ строился вокруг рекомендации передать управление садом от Даровской артели к Колхозу им. Достоевского. Упоминаний о тождестве учредителей Артели и Колхоза настоящий Акт не содержал.

³⁸ Усадьба в Даровом была мемориализирована как садово-парковый комплекс и включена в реестр охраняемых садов и парков РСФСР (ЦГАМО. Ф. 960. Оп. 3. № 80. Л. 13). Впоследствии Липовая роща в Даровом неизменно выступает в качестве центрального охраняемого объекта (Ср. «8. Даровое Каширского у<езда>, 3 дес<ятины>, от ст<анции> Зарайск I – в им<ении> Бостневского <sic!>» в деле: «Переписка с уездами по вопросу организации заповедников и насаждений». ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 2345. Л. 11). Крестьяне Дарового регулярно, с одной стороны, указывали на плохой уход за парком со стороны Ивановых,

составить план, и проект, копию которых пирислать в Музейный п<од>о<тдел> М<осковского> О<тдела> Н<ародного> О<бразования> для утверждения.

3) Об отоплении домико Достоевского

Постоновили

Колхоз берет по себя ходотойства перед Достоевским В<олостным> И<сполнительным> К<омитетом> об отпуски дров для отопления Домика Достоевского<,> а также и подвоску таковых.³⁹

4) О вселени в кухню домико Достоевского оного членов колхоза

Постоновили

Ходотойствовать перед музейным п<од>о<тделом> М<осковского> О<тдела> Н<ародного> О<бразования> о разрешений вселить в кухню усадебного дома члена колхоза, взяв на себя обязательство наблюдать за хозяйственным использованием помещения.⁴⁰

5) Об усадьбе Ф. М. Достоевского

Постоновили

С общаго согласия Предствителя Музейного п<од>о<тдела> М<осковского> О<тдела> Н<ародного> О<бразования> и согласия предствительей Колхоза в будущем организовать в доме усадьбы Ф. М. Достоевского библиотеку-читальню.⁴¹

6) О Шефстве Музея имени Ф. М. Достоевского над Кольхозом им<ени> Достоевского

Постоновили

Считать с общаго согласия зав<едующего> Музея т<оварища> Нечаевой и предствителей кол[ь]хоза подшефное отношения между музеем и кол[ь]хозом считать заключеным.

Предсобраня Чухнин

Секретар Никитская

С подлинным верно секретарь колхоза Макаров

а с другой – шантажировали последних угрозами его полной вырубки.

³⁹ На протяжении 1923–1929 гг. местные власти, пытаясь принудить М. А. Иванову к выселению, создавали всевозможные препятствия в предоставлении права на рубку леса или в доставке дров для отопления усадебного дома. Жалобы на очередной неотпуск дров и на холод в доме – одна из центральных тем в письмах М. А. и О. А. Ивановых к В. С. Нечаевой и М. В. Волоцкому.

⁴⁰ Тема «уплотнения» усадебного дома и подселения кого-то из крестьян к бывшей помещице Ивановой впервые появилась в 1923 году. До смерти М. А. Ивановой подселение осуществлено не было. Данная тема использовалась в виде шантажа.

⁴¹ Данное предложение также было высказано впервые в 1923 года и с тех пор использовалось в качестве угрозы.

18/VI-29 г.

№ 59-06

Достоевскому колхозу в сел<е> Даровом

Копия: Музею Достоевского

Музейный п<од>отдел М<осковского> О<тдела> Н<ародного> О<бразования> получил протокол общего собрания членов Колхоза, целиком согласен с постановлениями общего собрания. По п<ункту> 4^{му} – о вселении в кухню члена колхоза Музейный п/о согласен, но при условии вселения произвести с 1 октября с<его> г<ода>.

Музейный п<од>отдел просит бережно относиться к парку и охранять его от порубок и порчи.

Зав<едующий> Музейн<ым> п<од>о<тделом> Елагин

Секретарь Купина

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Документальная история первого музея Ф. М. Достоевского в с. Даровом Московской области (по материалам новых архивных источников)» № 09-04-50401 а/Ц

George Prokhoroff

“Fyodor Mikhajlovich was said to have become a brass. It can't be, Comrade, so that the father, like his, had the son”: to the problem of ideological auto-censorship of texts about Dostoevsky's country estate in Darovoe.

The article covers the problem of auto-censorship of the text corpus about Dostoevsky's country estate Darovoe. In the first time, the author tries to reveal the ideological matrix role in the famous descriptions of Darovoe that were created by Vera Nechaeva in the 1920th. Documents published below show the significant and underestimated function of auto-censorship that influenced on the creation of the text corpus about Darovoe.